

представляется недопустимым в английском языке, поскольку они соотносятся с различными по семантике понятиями.

Изучение англоязычного масс-медийного дискурса позволило сформировать представление об отношении современной англоязычной общественности к проблеме иммиграции. Оно зависит от направленности конкретного издания и поддерживаемых им политических настроений, от ситуации с иммигрантами в стране и наличии инцидентов с участием иммигрантов. Результаты наблюдений показали, что в Америке проблема иммиграции стоит менее остро (менее 25% от общего количества проанализированных языковых единиц обозначают понятия, так или иначе связанные с проблемой миграции), в британском масс-медийном дискурсе данные концепты чаще встречаются в негативном контексте (около 70%).

КОНЦЕПТ «СУДЬБА» В ЭПИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ ГОМЕРА

С. Абрамова

1 курс, филологический факультет

Научный руководитель – доц. **Л.И. Шевченко**

Концепт судьбы, присутствующий во всех мифологических, религиозных, философских и этических системах, составляет ядро национального и индивидуального сознания [1, с.3].

Известный отечественный учёный А.Ф.Лосев, рассматривая вопрос о самом понятии судьбы у Гомера и об отношении судьбы к богам в гомеровских поэмах, допускает наличие «самых разнообразных ступеней исторического развития», в результате чего это гомеровское понятие представляет собой явление неоднородное, отражающее его, с одной стороны, как более древнее, ещё доолимпийское и даже восходящее к матриархату и, с другой стороны, понимаемое как результат новейшей для Гомера цивилизации [2, с. 383]. Эта неоднородность исторического развития, зафиксированная древнегреческим поэтом, сказалась и на терминологических определениях понятия судьба, которое преимущественно фигурирует как мойра, в буквальном переводе означающее «часть», «долю», «удел», одновременно переводимые как рок, божество судьбы и смерти. Если у Гомера это слово используется преимущественно в единственном числе, то позже у Гесиода, как известно, речь идет о трёх богинях судьбы – Клото, Лахесис и Атропос. Наряду с мойрой он часто использует слово *айса* (*αἶσα*), обозначающее равную или определённую часть, соответствующую, как отмечает А.Ф. Лосев, данному человеку или событию. Оба понятия семантически однозначны и различия между ними нет. Нередко поэт использует прилагательные, восходящие к соответствующим существительным, например, *αἰδιόσ* («роковой») или, напротив, прилагательные, соответствующие существительному, примером чему служит слово *τοῖσ* – «роковой», «назначенный судь-

бой», с которым связано существительное *τορδίδον* – судьба города или государства. Примечательно, что одно и то же слово часто имеет взаимоисключающее толкование, как обозначение и доброго, и злого божества. Таково слово *δαίμων* у Гомера, понимаемое как судьба, а также как несчастье или гибель.

Вопрос об отношении судьбы к богам вызывает в науке ожесточённые споры. Как отмечает А.Ф. Лосев, наиболее древнее понимание судьбы то, когда судьба выше богов [2, с.383]. Это лишённая всякой индивидуализации, безличная и непонятная сущность, которая, согласно словам того же Лосева, действует неожиданно и внезапно, создавая непоправимую катастрофу. Как правило, это выражение гибели или смерти, лишённое какого – либо образа судьбы. Судьба в этот древнейший период ещё полностью зависит от окружающей природы, силы которой не познаны, преобладает над богами. В этом отношении особый интерес представляют эпизоды, где Зевс определяет судьбы героев при помощи взвешивания на золотых весах, а весы, таким образом, выступают в роли этой божественной силы.

Если в шестнадцатой песне «Илиады», когда, внушив страх Гектору, Зевс заставляет этого героя «уступить священным весам Олимпийца» и на время отказаться от преследования Патрокла (Илиада, XVI, 658), то в двух других эпизодах «Илиады» весы скорее инструмент в руках Громовержца. В восьмой песне «Илиады» говорится о том, что Зевс бросает на золотые весы два жребия смерти – данайцев и троянцев, потом берёт эти весы «посредине и поднимает». Жребий данайцев опустился к земле, символизируя поражение этого племени, троянский жребий «вознёсся до звёздного неба» (Ил., XIII, 69 – 74), и таким образом, верховный бог предрекает победу троянцам. Третий пример – двадцать вторая песня, где решается судьба Гектора. С той же формальной точностью, которая представлена в восьмой песне, Зевс бросает на золотые весы два жребия – Ахиллеса и Гектора, жребий последнего «поникнул» и «к Аиду упал». В этом эпизоде Громовержец также «взял посредине и поднял» весы, то есть активных манипуляций с весами громовержец не производит. В девятнадцатой песне «Илиады» уже говорится о сознательном действии самого Зевса. Со слов Одиссея известно, что он «наклоняет» весы, совершая суд «человеческих браней» (Ил. XIX, 223).

Представленные эпизоды свидетельствуют о качественно новой степени самосознания человека, когда на смену старым, лишённым разума и знания божествам приходит новое поколение богов, волевых и разумных, которые «становятся вровень с судьбой», а иногда ею управляют [2, с.387], то есть происходит отождествление богов с судьбой, но боги воспринимаются выше неё.

Библиографический список

1. «Понятие судьбы в контексте разных культур» /Ответственный редактор Н.Д. Арутюнова Москва: «Наука». I полугодие 1994.320 с.
2. Лосев А.Ф. «Гомер». 2-е издание. М.: «Молодая гвардия» – ЖЗЛ; Сопратник, 1996.400с.